

Весьма примечательно редкое для современных говоров использование на Брянщине слова *халуца* в значении хата [*Мы с дедом маим у халуце ночували*]. Слово известно в украинском, чешском (*chalupa*), словацком (*chalupa*) языках. М. Фасмер предполагает, что родственным словом является старославянизм *халуца* – «шалаш, сплетённый из прутьев» [21, 220]. Бытование данного слова здесь обусловлено историческими и территориальными причинами. Шулаковка – село небогатое, до определённого времени, по словам старожилов, не имевшее даже церкви. К территориальным причинам относится пограничное положение Брянщины с Украиной и Белоруссией, в которых бедная хата и называлась халупой [22, 859]. Нужно сказать, что к слову *халуца* для названия жилой постройки в Шулаковке в беседах с нами обратились лишь два человека старше семидесяти лет. Данное слово без оценочной коннотации в селе употребляется редко и преимущественно людьми старшего поколения. Информанты же младшего поколения вкладывают в это слово уже чисто оценочное значение: [*Там старая баба живет, / у её хатка плоханькая, ветхая, / халуца*].

Под влиянием литературного языка и в связи с изменениями в строительной культуре в современных южнорусских поселениях, в том числе и в с. Шулаковка, для называ-

вания жилой постройки все чаще употребляется слово *дом*. [*В-дом зах'одь / мы тут з-дедам жывём / дети выросли, / да у свой дом ушли*]. Данное слово употребляют коренные жители села. Причём не только молодые, но и старше 60 лет, даже не выезжавшие за пределы населённого пункта на длительный период, что свидетельствует о том, что слово уже прочно закрепилось в системе данного говора.

Синонимические отношения слов *дом* и *хата* были отмечены ещё В. И. Далем. Он так определяет *дом*: «строение для житья; в городе, жилое строение; хоромы; в деревне изба со всеми ухажаями и хозяйством. Крестьянский дом, изба; юж. хата...» [23, 465].

Однако наименования *дом* и *хата* носителями современного местного говора воспринимаются по-разному: *хатой* называют старые, небольшие постройки, слово же *дом* используют для обозначения добротного, большого, часто кирпичного или обложенного кирпичом сооружения с несколькими камерами в жилой части. [*Ретка у како дом быу / б'ольшы х'аты б'ыли / эта щас уже дама стр'оють, а тада хаты*] (Шулак.).

Таким образом, можно сделать вывод, что для названия жилой постройки в селе Шулаковка употребляются три наименования: хата, дом и халуца.

Литература

1. Русская изба (Внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь): Иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост.: Д. А. Баранов [и др.]. – СПб.: Искусство, 2001.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986–1987.
3. СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова – М.–Л.; СПб.: 1965 – 2002. – В. 1–35.
4. СБГ – Словарь брянских говоров / под ред. В. И. Чагишевой, В. А. Козырева. – Ленинград, 1976 – 1978.
5. БОС – Брянский областной словарь / под ред. Курганской и др. – Брянск, 2007.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1956.
7. СБГ – Словарь брянских говоров / под ред. В. И. Чагишевой, В. А. Козырева. – Ленинград, 1976–1978.
8. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Из-во ЛГУ, 1986.
9. СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – М.–Л., СПб.: 1965–2002. – В. 1–35.
10. Волкова Н. А., Бабичева С. Г. Крестьянское подворье южных районов Курской области // Культура Курского края (лингво-этнографические очерки). – Курск, 1995.
11. Тематический словарь – Тематический словарь говоров Тверской области / под ред. Т. В. Кирилловой и Л. Н. Новиковой. – Тверь, 2002. – Вып. 1.
12. Русская изба (Внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь): Иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. Д. А. : Баранов [и др.]. – СПб.: Искусство, 2001.
13. Собинникова В. И. Южнорусское наречие и его контакты с украинскими говорами // Русские говоры на Украине. – Киев: Наукова думка, 1982.
14. Тематический словарь – Тематический словарь говоров Тверской области / под ред. Т. В. Кирилловой и Л. Н. Новиковой. – Тверь, 2002. – Вып. 1.
15. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1956.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986–1987.
17. Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. – Воронеж, 1886.
18. Нидирле Л. Славянские древности. – М., 2000.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986–1987.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986–1987.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986–1987.
22. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – 18-е изд. – М., 1987.
23. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1956.

Е. В. Сажина (Гомель, Беларусь)

СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ФОНА В ПРОБЛЕМНОЙ СТАТЬЕ

Современный этап развития общества отмечен возросшим интересом к международному общению в различных сферах, включая политику, экономику, здравоохранение и т. д. Любое общение характеризуется оказанием воздействия, которое может осуществляться при помощи различных языковых средств. Успешность любого воздействия в некоторой степени зависит от стратегий и тактик их реализующих, которые адресант избирает для оптимизации процесса взаимодействия с партнерами по коммуникации. Полемический дискурс, це-

лю которого является поиск решения актуальной проблемы, представляет собой своеобразный диалог, структурными компонентами которого выступают проблемная статья и отклики читателей на нее.

Как для дискурса в целом, так и для полемического дискурса печатных СМИ в частности характерно использование различных стратегий и тактик для реализации цели дискурса. Представляя собой специфический диалог, структурными компонентами которого выступают проблемная статья и отклики читателей на нее,

полемический дискурс характеризуется оказанием воздействия на адресата. Одной из прагматических характеристик дискурса является широкое употребление эмоциональной и эмоционально окрашенной лексики, которая в своей совокупности воздействует на эмоциональную сферу адресата и побуждает его к участию в поиске решения актуальной проблемы. Использование эмоциональной и эмоционально окрашенной лексики осуществляется в рамках реализации стратегии формирования эмоционального фона как в проблемной статье, так и в откликах. В настоящей работе мы обращаемся к анализу вышеуказанной стратегии на материале проблемных статей из англоязычной прессы, поскольку именно статья инициирует поступление откликов, т. е. является стимулом к развязыванию дискуссии.

Как известно, любая стратегия реализуется за счет тактик ее формирующих. Так, *стратегия формирования эмоционального фона* представлена в проблемных статьях двумя тактиками. Одна из них – *тактика усиления эмоций*, которая может реализовываться на различных языковых уровнях.

Лексический уровень представлен исконно эмоциональной и эмоционально окрашенной лексикой. Так, в примере из статьи «33 dead after US campus shooting rampage», посвященной проблеме вооруженного нападения на университет в штате Виржиния, мы находим ряд примеров употребления лексем, выражающих эмоциональное состояние и реакцию на происшедшие события: *He defended the university's handling of the tragedy, saying, «We can only make decisions <...>» Panic and confusion engulfed the campus <...>. One student captured some of the shooting on his mobile phone, the grainy footage showing figures scurrying about in the distance <...>. One student, Michael O'Brien, told Fox News <...> when he heard a gunshot and saw students scrambling out of the building.*

Эмоциональные (*panic, confusion*) и эмоционально окрашенные лексемы (*tragedy, engulfed, scurrying, scrambling*) способствуют созданию у адресата определенного настроения, которое находит отражение в откликах читателей.

В ходе проведения анализа проблемных статей было установлено, что в реализации тактики усиления эмоций немаловажная роль отводится топику-эмоциональной лексике [1]. Повторы лексем, которые, как правило, называют ту или иную проблему, описываемую в статье, не только обусловили возникновение отдельного вида эмоционально окрашенной лексики, но и могут быть использованы как языковое средство реализации тактики усиления эмоций. Рассмотрим пример: *The simplicity of divorce is that, in the absence of a custody dispute, there is only one issue <...>. All of the impossible disputes in the relationship <...> become miraculously moot. The complication of divorce is that without the practical realm in which emotional conflicts are ordinarily expressed <...>.* По нашему мнению, в слове *divorce*, определяемом в толковом словаре как 1. a judicial declaration dissolving a marriage in whole or in part, esp. one that releases the husband and wife from all matrimonial obligations; 2. any formal separation of husband and wife according to established custom; 3. total separation; disunion [2], ни одно из значений не имеет эмоционального компонента в своей структуре вне контекста. Но в контексте проблемной статьи появляются, на наш взгляд, новые смыслы, и данная лексическая единица выражает разногласие, чувство нестабильности, зависимости человеческого счастья от материальных факторов, т. е. эмоциональную

реакцию, характерную для многих случаев разводов, которую адресат может идентифицировать исходя из личного опыта или общих знаний. В рассматриваемом контексте наряду со своим прямым значением (*официальное расторжение брака*), данная лексическая единица приобретает эмоционально окрашенное значение *'ссора, разлад'*, что способствует созданию у адресата определенного эмоционального состояния.

Еще одним способом реализации в проблемной статье тактики усиления эмоций является употребление таких лексических стилистических средств как эпитеты, метафоры, сравнения. Так, в примере из статьи «Were Sanctions Right?», посвященной рассмотрению проблемы введения санкций против Ирака, эпитеты характеризуют ущерб, нанесенный санкциями, как не просто ужасный, но как ущерб, приведший страну в средневековье: *The damage, according to those who fought against sanctions, was terrible, medieval.*

В другом примере мы встречаем метафоры: *For many people, the sanctions on Iraq were one of the decade's great crimes, as appalling as Bosnia or Rwanda. Anger at the United States and Britain, the two principal architects of the policy, often ran white hot.* Сила метафоры состоит в том, что «за семантикой слов, которые создают метафорический смысл в сознании читателя, возникают и чисто субъективные, добавочные ассоциации, связанные со спецификой воспринимающей личности, с ее психическим складом, с характером интеллектуальной жизни» [3, с. 94]. За метафорами скрываются важнейшие механизмы мышления человека [4], а разнообразные ассоциации, которые появляются при восприятии метафор, не столько убеждают читателя, сколько уводят его в сторону с тем, чтобы он, в конечном счете, принял яркое, выразительное и привлекательное за убедительное. В вышеуказанном примере метафоры (выделены жирным шрифтом) передают глубину возмущения, гнева по отношению к странам оккупантам, каковыми являются США и Британия.

Второй тактикой, направленной на реализацию стратегии формирования эмоционального фона в проблемной статье, является *тактика насмешки*. Данная тактика может быть применена автором как в отношении проблемы, анализируемой в статье, так и в отношении ее отдельных аспектов. Среди языковых средств, способствующих реализации данной тактики, ведущая роль принадлежит лексике. При этом следует отметить, что необходимый эффект может достигаться не только с помощью специальной лексики, обладающей экспрессивностью, но и с помощью нейтральных слов, которые автор подвергает ироническому осмыслению.

Обратимся к рассмотрению данного явления на примере из статьи «Untying the Knot», посвященной проблеме бракоразводных процессов: *In most public accounts of divorce, there is no confusion as to why the couple is splitting up. The reasons are so sound – the trails of manipulation, exploitation and betrayal so thick – the only mystery is why the couple were together in the first place.* Так, автор отмечает тот факт, что причины развода абсолютно очевидны, однако непонятным остается, почему же партнеры жили вместе. Лексема *mystery* в сочетании с вопросительным местоимением *why* заключают в себе не столько значение тайны, чего-то мистического, сколько ироническое значение недоумения, отчасти разочарования в семейных ценностях.

Таким образом, в реализации стратегии формирования эмоционального фона в проблемной статье ведущими выступают такие тактики как тактика усиления эмоций и

тактика насмешки, основными языковыми средствами реализации которых выступают эмоциональная и эмоционально окрашенная лексика и ее повторы в пределах текстового пространства проблемной статьи, лексические стилистические средства, а также нейтральные слова, подверг-

нувшиеся ироническому осмыслению. Реализация стратегии формирования эмоционального фона в проблемной статье способствует реализации общей цели полемического дискурса печатных СМИ, структурным компонентом которого и является проблемная статья.

Литература

1. Сажина, Е. В. Структурные и прагматические характеристики полемического дискурса (на материале англоязычной прессы): дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Сажина; МГЛУ. – Минск, 2007. – 132 с.
2. Dictionary of Contemporary English / Ed. D. Lott. – Harlow: Longman, 2005. – 876 p.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 202 с.
4. Лещева, Л. М. Метафора: номинация, когниция, эмоция / Л. М. Лещева // От слова к тексту: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 13–14 нояб. 2000 г.: в 3 ч. / Минский гос. лингв. ун-т; редкол.: Н. П. Баранова [и др.]. – Минск, 2000. – Ч. 1. – С. 36–37.

А. В. Сига́й (Мозырь, Беларусь)

НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖАНРОВЕДЕНИЯ

Начиная с 50-х годов XX века в область интересов русистики прочно входит изучение речевых жанров. И вот уже более полувека не затихают споры вокруг концептуальных положений теории речевых жанров (ТРЖ). Но, несмотря на такое пристальное внимание со стороны лингвистов, нерешенных вопросов жанроведения отнюдь не становится меньше. Безусловно, причины этого связаны прежде всего с тем, что речевой жанр принадлежит такой беспрестанно изменяющейся и динамичной области человеческого бытия, как речь: «Жанры постоянно текут, следуют, переплетаются естественно и быстро» [3, 230], «... в каждой сфере деятельности целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы» [1].

В современной лингвистической науке представлено множество исследований речевого жанра. Следуя в этом вопросе за В.В. Дементьевым, эти исследования можно разделить на три группы.

1. К первой группе относятся исследования, исходящие из классического определения жанра, берущего свое начало еще в античности (Аристотель, Н. Буало). Однако в этих работах представлено либо слишком узкое (применительно только к произведениям художественной литературы и искусства (н-р, в БСЭ)), либо слишком широкое понимание вопроса (н-р, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» речь ведется только о жанрах монолога, диалога и полилога).

2. Вторая группа исследований ориентируется не на основополагающие аспекты жанровой организации речи, а лишь на частные моменты речевой деятельности. В этих работах есть много ценного, однако не в достаточной мере присутствует целостная и четкая картина речевого жанра. В частности, отмечается существование стереотипов устойчивых форм речи и речевого поведения (Н. Ю. Шведова, Ю. М. Скребнев), соответствие речевых действий типу действительности (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, О. А. Лаптева), отношение к интерпретации и классификации (В. З. Демьянков, Г. В. Колшанский), связь с речевым этикетом (А. А. Акишина, Н. И. Формановская). К этой группе также можно отнести теорию «прецедентных текстов» (Ю. А. Сорокин, Ю. Н. Караулов).

3. Третью группу составляют исследования, опирающиеся на концепцию речевого жанра М. М. Бахтина. К ним относятся работы самого Бахтина и его последователей: А. Вежбицкой, Н. Д. Арутюновой, А. А. Капанадзе, Е. А. Земской, В. Е. Гольдина, В. В. Богданова, Г. Г. Почепцова, Е. В. Падучевой, Т. В. Матвеевой и многих дру-

гих [2]. Именно с именами этих лингвистов связано возникновение теории речевых жанров, а следовательно, и постановка таких основополагающих вопросов, как определение природы и механизмов порождения и функционирования речевого жанра, внутренней и внешней структуры речевого жанра, соотнесение ТРЖ с теорией речевого акта, исследование проблемы «первичных» и «вторичных» речевых жанров и др.

Однако, несмотря на фундаментальные исследования этих проблем, многие вопросы ТРЖ до сих пор остаются открытыми. М. Ю. Федосюк в своей статье «Нерешенные вопросы теории речевых жанров» указывает на то, что нет единого мнения, чем же является речевой жанр – типом высказывания, или типом текста. Бахтин в своей статье «Проблема речевых жанров» определяет речевой жанр как «относительно устойчивый тематически, композиционно и стилистически тип высказываний» [1]. Однако далее последователи Бахтина речевым жанром именуют не только типы высказываний, такие, например, как сообщение, рассказ, просьба, но и типы диалогических текстов: «информативный», «эмоциональный», «артистический», «интеллектуальный» диалог (Н. Д. Арутюнова), беседа, дискуссия, спор, ссора (А. Вежбицкая, Т. В. Шмелева).

Нет однозначного ответа и на вопрос о том, как соотносятся теория речевых жанров и теория речевых актов, а именно, что из этих двух языковых явлений, безусловно, весьма похожих, но, в то же время, нетождественных, является базовой единицей речи. Кроме того, до сих пор не принято единой типологии речевых жанров и учения о внутренней структуре речевого жанра, что связано, прежде всего, с отсутствием основания для классификации [4].

Если до конца XX века в области жанроведения лингвисты в своих исследованиях уделяли внимание главным образом концептуальным вопросам теории речевых жанров, то работы последнего десятилетия (начало XXI века) посвящены непосредственно изучению самих речевых жанров, особенно новых, возникающих в сфере современных информационных технологий: жанры в СМИ, интернет-коммуникации, PR-жанры в области политики и политтехнологий. Не остаются без внимания и традиционные жанры, бытующие в области судебно-правового, разговорно-бытового, религиозного и других дискурсов.

Именно переход к непосредственному исследованию речевых жанров поставил перед современными русистами ряд новых проблем, которые лежат прежде всего в области технологий исследования речевых жанров, определения места конкретного речевого жанра в общей сис-